

Общие проблемы
политической концептологии

**БУНТ БЕССМЫСЛЕННЫЙ ИЛИ БУНТ БЕСПОЩАДНЫЙ:
КОНЦЕПТОЛОГИЧЕСКИЙ ЭКСКУРС**

А.В. Скиперских

*Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики» (г. Пермь)*

Аннотация: *В данной статье осуществляется анализ концепта «бунт», использующегося в различных дискурсах. Концепт бунт является хранилищем достаточно большого количества значений, подчас неожиданных и трудно поддающихся политическому определению и соотношению. Несмотря на существование изначально неполитических коннотаций «бунта», со временем, данный концепт приобретает политические смыслы, фигурируя в дискурсе власти.*

Бессмысленный и беспощадный бунт различно объективируется в той или иной культуре, и имеет разные шансы на воспроизводство и легитимацию. При этом онтологический характер бунта не вызывает сомнений. Необходимость в сопротивлении власти существует постоянно, представляясь в различных формах и сюжетах.

Ключевые слова: *бунт, власть, дискурс, концепт, сопротивление.*

В метафоре путешествия, чем длиннее путь (длиннее спор), тем большая площадь им охватывается (тем больше в споре содержания).

*Лакофф Д., Джонсон М.
«Метафоры, которыми мы живём».*

Политические практики практически всегда связываются с определённой конфликтностью. Отношение к власти не всегда является терпимым и снисходительным как со стороны общества, так и отдельных его членов, приобретая зависимость от существующего культурного контекста. В результате подобного сомнения в легитимности самой власти и актуализируются практики, которые принято определять различными концептами, среди которых — несогласие, сопротивление, протест.

В данной статье мы рассматриваем концепт «бунт», обладающий широкими перспективами исключительно политического прочтения, несмотря на некоторые коннотации, напрямую не связывающиеся с политическим. На самом деле, данный концепт по-разному наполняется в различных культурных традициях, разными людьми, а само понимание значения

бунта может чётко привязываться к «текущему политическому моменту». Бунт бессмысленный и бунт беспощадный, по сути дела, могут представлять собой два реально разных события, несмотря на их фиксацию одним концептом.

Политический контекст в большей степени вскрывает трагическую и прекрасную, романтическую природу бунта. Действительно, бывают периоды, когда бунтовать может весело и почётно, а могут и существовать месяцы или даже годы реакции, когда выход на Красную площадь уже сам по себе может считаться проявлением неслыханной дерзости.

Если существуют разночтения по поводу его прочтения в одной культуре, то, тогда практически невероятным может показаться консенсус среди различных культур, тем длиннее и бессодержательнее будет дискуссия по поводу его содержания.

Действительно, не существует ли здесь каких-то сильных различий и насколько ощутимым является сходство в восприятии и понимании концептов? Это является очень важным, ведь, как отмечают известные теоретики метафоры Д. Лакофф и М. Джонсон, «наши концепты структурируют наши ощущения, поведение, наше отношение к другим людям. Тем самым, наша концептуальная система играет центральную роль в определении реалий повседневной жизни» [Лакофф 2004: 25].

Определение содержания концепта «бунт» требует обращения к различным как российским, так и зарубежным лексиконам. Мы предполагаем, что данный концепт сложен и неоднозначен, потому как используется в различных дискурсах. Тем самым увеличивается вероятность того, что мы можем потерять основную идею. Но это же путешествие — тем оно и приятно. Действительно, «в путешествии самое главное — нужно как-нибудь заблудиться, чтобы исчез обычный расчёт во времени и в месте» [Пришвин 2007: 647].

В герменевтическом путешествии в смыслы концепта «бунта» есть подобная опасность, потому как попытки прочтения данного концепта могли предприниматься и раньше и до этого, но насколько этим была достигнута цель — вопрос остаётся открытым. «Ни измена, ни бунты, по нашему извечному обычаю, не требуют определений. Оба эти слова для каждого ясны сами по себе, то есть ясны именно в том смысле, какой тот или другой талантливый субъект желает им сообщить», — замечает М. Салтыков-Щедрин в «Господах ташкентцах».

Наш концептологический экскурс был бы вряд ли возможен без обращения к лексикону В. Даля, определяющего бунт как «скоп, заговор, возмущение, мятеж, открытое сопротивление народа законной власти» [Даль 2002: 141].

В определении В. Даля показываются политически родственные концепты «бунту», но, обладающие собственными исключительными оттенками смыслов. В частности, концепт «мятеж» понимается как вооружённый бунт и имеющий отношение к военному, армейскому дискурсу.

Для нас представляет интерес и практика словообразования глаголов «бунтовать» и «бунтоваться» — «крамолить, мутить, побуждать к возмущению, восставать скопом против законной власти, быть участником возмущения или заговора, мятежа», а также «бунтить» — «взбивать жидкость, болтать ложкой», то есть встряхивать привычное состояние, что-то изменяя в нём. Интересно и значение глагола «бунтиться», в котором чувствуется акцент на опасной для власти речевой практике — «волноваться, шуметь, строптиво кричать» [Даль 2002: 142].

Недовольный человек отмечается речевой практикой в тот момент, когда громкие и шумные высказывания табуированы. Вообще, громкая речь, нарушающая спокойное и размеренное течение беседы, уже сама по себе может считаться покушением на порядок, своеобразным экстремизмом. В дискурсе власти право на речь является прерогативой самой власти, но отнюдь не её конкурентов. Если и власть оставляет право на речь у объекта, то только лишь в тот момент, когда речь вызывается в объекте с помощью требования власти, её ко-

манды. Власть не терпит рассогласований, что определённым образом сказывается на речевых ограничениях. Речь оппозиции в меньшей степени выразительна в тех случаях, когда право на речь остаётся за властью. Но политический процесс зачастую меняет местами власть и оппозицию. Подобная ситуация приводит к увеличению объёмов письма как такового. В тот момент, когда говорить нельзя, человек, испытывающий необходимость протестного выражения, безусловно, будет больше *писать*. Значительным образом объёмы письма увеличиваются в век электронной культуры, когда устная речь в большей степени является популярной у политиков. А. Эткинд отмечает по этому поводу, что «изменения связаны с интернетом: писать стало ещё более важно, а говорить чуть менее. Но когда Россия откроется для новых демократических преобразований, публичные интеллектуалы станут депутатами и будут говорить».

Нужно отметить, что «значения слов «бунт» и «бунтовать» определённо подводят нас к необходимости различения за ними какого-то деятельного и мобилизованного актора, пытающегося открыто заявлять о своих правах в ситуации в той ситуации, когда подобное поведение не является какой-либо популярной и легитимной формой выражения собственной позиции» [Скиперских 2014: 139].

В «Большом толковом словаре русского языка» под бунтом понимается «стихийное восстание, мятеж». Идеологический дискурс бунта чувствуется и в примерах употребительной практики бунта, предполагающей такие формы бунта как «бунт против начальства» и массовое проявление недовольства, неповиновения, несогласия с кем-либо, или с чем-либо» [Большой толковый словарь... 2000: 103].

Подтверждением политического контекста бунта может быть его частое употребление в литературных текстах применительно к ситуации общественного неповиновения. В частности, обращение к «Словарю языка Пушкина», сформированному на основании текстов сочинений классика, показывает, что слово «бунт» понимается как «мятеж», «стихийное возмущение», «открытое неповиновение начальству». Концепт «бунт» очень активно используется А.С. Пушкиным. Контент-анализ пушкинского текста свидетельствует о том, что слово «бунт» употребляется 72 раза, «бунтовать» — 29 раз, «бунтовщик» — 78 раз [Словарь языка Пушкина... 1956: 191].

Лексикон А.С. Пушкина может раскрыть для нас несколько непривычные оттенки смысла «бунта». В частности, под бунтом может пониматься и непосредственный факт жалобы на власть из-за её излишней предрасположенности к репрессии. В частности, в «Истории Пугачёва» есть упоминание о первоначальных этапах крестьянского возмущения, когда недовольные казаки покушались донести до сведения самой императрицы справедливые свои жалобы, но были «заключены в оковы и наказаны как бунтовщики» [Словарь языка Пушкина... 1956]. Данный пример является показательным для нас, потом как в нём с поразительной очевидностью раскрывается как беспощадность бунта, так и его бессмысленность, актуализирующаяся со временем.

Безусловно, чаще всего концепт «бунт» используется А.С. Пушкиным для определения практики общественного неповиновения в периоде пугачёвского восстания. Смысловое поле «бунта» расширяется и за счёт других текстов классика. В частности, пушкинский словарь даёт ссылку и на текст «Графа Нулина». «Если более двух офицеров подают рапорт, такой поступок приемлется за бунт» [Пушкин 1981: 10], — в выбранном пушкинском словаре примере присутствует безусловный политический контекст, вполне адекватный историческому времени.

Смысловое поле «бунта» довольно активно эксплуатируется в связи с военным дискурсом. В частности, со ссылкой на одну из статей в «Русской мысли» (1913), М. Гаспаров отмечает, помимо известных боевых качеств русского солдата, его «неприхотливость к началь-

ству» [Гаспаров 2012: 38]. Если офицеры ещё могут позволить себе роскошь проявления несогласия, то солдат, кажется, даже и не понимает в этом необходимости. Его устраивает всё. Видимо, чем выше движение по иерархии чинов и званий в русской армии, тем меньше терпимость к произволу и самодурству вышестоящего начальства. Солдат, здесь, оказывается самой уязвимой и бесправной фигурой, чем-то напоминая обыкновенного мужика.

В «Этимологическом словаре русского языка» М. Фасмера бунт понимается как «мятеж, восстание, возмущение». Есть и другое значение, где бунт — «кладка, мешок с мукой» [Фасмер 2008: 576]. В данных значениях впечатлительному и наполненному революционной грёзой исследователю, наверняка, представляются баррикады и другие заграждения, устраиваемые бунтовщиками. В революционном пейзаже моментально всплывают лица одержимых, яростных людей готовых сопротивляться до конца.

Если говорить о таких производных бунта как «мятеж, восстание, возмущение», то каждое из данных значений может быть рассмотрено в политическом контексте. Концепт бунт получает расширение, включая в себя данные значения. Каждое из данных значений подтверждает идеологический дискурс бунта, намекая на существование субъекта протеста и сопротивления как диалектической оппозиции власти.

В словаре В. Даля есть значение бунта, как «связки» или «кипы». Данное значение можно также рассмотреть в контексте сопротивления, прежде всего, как единение, взаимосвязь, скрепление во имя какой-то идеи. Хотя, одно из значений у В. Даля толкует бунт как «верёвку, обручи, проволоку» [Даль 2002: 141], использующиеся для вязки. Парадоксально, но бунт используется для обуздания бунта, для его усмирения. Подобное лечится подобным. Так и бунтовщиков — вяжут, стягивают, пытаются усмирить.

Лексикон С.И. Ожегова свидетельствует о существовании в речевой практике фразеологической конструкции — «бунт на коленях», под которой понимаются «робкие попытки борьбы, обречённые на неудачу» [Ожегов 1973: 60]. Такие попытки могли присутствовать в условиях рабовладельческого общества, когда в рабство могли попадать люди из-за войн. Разумеется, некоторые из них никогда не были рабами и не мыслили жизни в оковах, поэтому они и могли позволить себе сказать: «Нет!» — работе. Это было восстание против отсроченной, медленной смерти, связанной с политической экономией тела, о котором убедительно выскажется Ж. Бодрийяр в «Символическом обмене и смерти». В интересах политэкономии власти следует оставить человека живым и заставить его работать на себя, создавать полезный продукт. Отсюда, «труд предстаёт прежде всего как знак унижения, когда человека считают достойным лишь одной жизни. Капитал эксплуатирует трудящихся до смерти? Парадоксальным образом, худшее, что он с ними делает, — это отказ в смерти. Отлагая их смерть, он превращает их в рабов и обрекает на бесконечное унижение — жить в труде» [Бодрийяр 2009: 103].

Вместе с тем, нужно понимать, что труд определённым образом замыкается на бунте. Работающий человек, и человек, удовлетворённый сами фактом собственного труда, изначально смотрится более гармонично, нежели его визави, обделённый работой в тот самый момент, когда нуждается в доходах. Действительно, ведь именно труд обеспечивает человеку жизнь. Труд поддерживает и общественный порядок, отвлекая людей от необходимости искать правду в бунте. Именно в тот самый момент люди бывают «обеспечены средствами, позволяющими им работать для достижения своих устремлений» [Гарр 2005: 40], как отмечает Т. Гарр.

В русском языке *бунт* (несмотря на изначальный политический контекст, несмотря на попытку сомнения в легитимности официальной институции) не имеет прямой связи с революционной претензией. В некотором смысле данный тезис находит подтверждение в «Словаре современного русского народного говора», в котором осуществлена лексикографическая

интерпретация говора д. Деулино Рязанского района Рязанской области. В нашем концептологическом исследовании важным дополнением является значение бунта как «драки, скандала» [Словарь современного русского народного говора... 1969: 69].

Политические коннотации здесь уже не кажутся такими очевидными. Бунт понимается как обычное выяснение отношений между людьми, перерастающее в словесную перепалку и рукоприкладство.

В «Кроткой» Ф. Достоевского *бунт* понимается как обида, приводящая к рассерженности, что, в свою очередь, вызывает непредсказуемое поведение. Но оно отнюдь не связано с революционной претензией в политической сфере.

Безусловно, существующие коннотации бунта в русском языке не обязательно могут совпадать с коннотациями бунта в других языках. Так, например в английском языке бунт непосредственно связывается с революцией, с претензией на изменение существующей дефиниции политического режима.

В частности, в английском языке слово *-revolt* определяется как *восстание, мятеж*. Есть и такие значения как *отпадение и отталкивание*, тесным образом соотносящиеся с таким словом, как *-revolution* — революция, круговое вращение. Нам может быть интересно и такое значение *-revolt* как *отвращение* [Большой англо-русский словарь... 2001: 825]. Человек, решающийся на бунт, как правило, имеет необходимость критической оценки некоей политической реальности, кажущейся отвратительной и уродливой, а потому и подвигающей его на протест. Отвращение мира, его неприятие становятся преамбулой бунта.

Бунт как движение против угнетения, как подъём протестной энергии определяется и в известном Оксфордском лексиконе. *Revolt — as rise in rebellion against oppression* [Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English 1982: 223]. В немецком языке слово *-revolt*, равно, как и в английском языке означает *бунт* и *мятеж*, дополняясь ещё и такими значениями, как *возмущение, недовольство* [Немецко-русский словарь... 1998: 701].

Смысловое поле интересующего нас концепта очень близко по своему значению со смысловым полем концепта — *resistance*, определяющегося как «сопротивление». Значение концепта «сопротивление» шире «бунта», потому как сопротивление включает в себя и такие формы несогласия, как бунт, мятеж, восстание — куда более крайние и радикальные формы демонстрации собственного права на принятие политических решений.

Есть ещё важное для нас значение — *resistance* как «сопротивление сжатию» [Большой англо-русский словарь... 2001: 822]. Склонность власти схватывать и сжимать объект подчинения не может вызывать у репресслируемых восторг. Наоборот, куда более логично стремление избавления, высвобождения из определённой рамки. Отсюда, стремление к разжиманию властной хватки вполне очевидно отражает практику сопротивления и его цель.

Интересно, что в некоторых словарях сопротивление понимается и как «*opposition*» [Русско-английский словарь 1991: 601]. Это придаёт сопротивлению очевидный политический контекст. Сопротивление представляется напротив власти, выступая её отражением, выступая её призраком — основанием для постоянных терзаний и беспокойства о своей политической судьбе.

Сопротивление представляется диалектической оппозицией власти, которая как раз и призвана сжимать и репрессировать. Между властью и сопротивлением существует некий паритет, выраженный в специфических правилах игры, закрепляющих особенности позиционирования в отношении друг друга. В данном смысле, бунтом можно назвать некая претензия сопротивления на расширение влияния, попытка нарушить существующий баланс.

Слово *-resistance* обладает очевидными политическими коннотациями и в итальянском лексиконе «*Historical Dictionary of Modern Italy*», где оно связывается с коллапсом политического режима Б. Муссолини и активизацией антифашистских сил, вызвавшей в создании

партизанского движения, отмечавшегося спорадическими акциями против фашистских симпатизантов в рамках GAP (*gruppi armati patriottici*) [Mark 2007: 562].

Очевидное активное начало, выдающее стремление оппозиционного субъекта реализовать свои поведенческие стратегии, представлено и в английских глаголах *-revoke* (отменять закон) и *-revolve* (вращаться, вращать) [Романов 1992: 416]. В частности, заслуживает внимание одно из значений глагола *-revoke* как *брать назад (обещание)* [Большой англо-русский словарь... 2001: 825]. В интересующем нас контексте отозванное обещание как раз может быть связано с подчинением и следованием приказам и инструкциям. Бунтующий человек денонсирует существующие правила и договорённости, отзывая обещание подчиниться и выступать в качестве объекта приказа.

В этом смысле показательно, как представляет бунтовщика М. Фуко. Его бунтовщик открыто заявляет о прекращении подчинения. «Я больше не подчиняюсь», — говорит восставший человек Мишеля Фуко [Фуко 2011: 16].

Активное начало, выдающее деятельного субъекта, способного прерывать уже существующие договорённости в том случае, если их положения вдруг станут какими-либо неудобными и даже унижительными для него, присутствует оно и в похожем по звучанию итальянском глаголе *-revocare* (отменять, аннулировать, отзывать) [Красова, Дзаппи: 254].

Человека могут испытывать его же бунтом через повторение одного и того же действия. Вспомним героя греческого мифа — Сизифа, закатывающего камень на гору — это было испытанием, посланным ему Богами. Вспомним Тантала, тщетно пытающегося напиться и вкушать плоды, до которых не могут дотянуться его руки.

В работах М. Фуко есть много примеров, как власть дисциплинирует человека путём требования от него повторения одних и тех же действий. В частности, французский автор говорит об армейской муштре, о существующих схемах повторения каких-либо фигур на построении и марше, об устройстве армейского лагеря.

В «Психиатрической власти» М. Фуко есть примеры терапии душевнобольных через подчас бессмысленный и бесполезный труд, назначаемый пациенту ради самого труда, ради того, чтобы чем-то занять его, отвлекая от дурных мыслей. Возможное использование индивида на тех или иных работах чётко регламентируется [Фуко 2007: 153]. В любом случае, власть способна выражаться через обременение индивида трудом, подчас бессмысленным. Подобный образ власти, в частности, и интересует нас, потому как тесным образом связывается с бунтарской сущностью индивида, то успокаивающегося, то, наоборот, громко заявляющего о своей претензии. В целом, акцент на активном начале и претензии на некий переосмотр существующего порядка и «правил игры», на его ревизии и переосмыслении содержится в самом префиксе *-re*.

Власть заинтересована в наделении концепта «бунт» политическими коннотациями. Это и происходит в дискурсе власти. Тем самым обществу как бы напоминает, кто есть кто, потому как «дискурсы всегда определяют позиции, которые люди занимают» [Русакова, Русаков 2011: 60]. Бессмысленность бунта перед государственной машиной должна постоянно напоминать о тщетности любых попыток предъявить счёт самой политической системе. Беспощадность реакции власти на любые проявления независимого поведения также должны сдерживать чересчур активных членов общества от попыток радикализации своих претензий власти. Для этого и происходит устранение любых других смыслов, объясняющих бунт в каких-либо иных дискурсах, кроме как дискурса власти. В таком случае, концепт «бунт» рассматривается исключительно с позиции сопротивления власти, с позиции нежелательной и наказуемой поведенческой стратегии. Подтверждением этому могут стать практики предупреждения любых попыток сопротивления, трансформирующиеся в комплекс законов и мер, ограничивающих бунтующего человека в выборе методов и форм давления на власть. Человек, высту-

пающий «против», автоматически записывается в бунтовщики. Власть привыкла к безусловному подчинению, что делает бунт покушением на её целостность. Именно этим и вызвана попытка создания целого свода предписаний и регламентации. Уточнения и спецификации бунта выступают нежелательными характеристиками, способствующими, на наш взгляд, в конечном счёте, «оправданию» субъекта. Кстати, именно об этом и говорит итальянский концептолог Д. Сартори, когда приводит пример абстрагирования концепта за счёт «сокращения количества его свойств, или атрибутов» [Сартори 2003: 153].

Наоборот, исследователь концепта может сознательно работать в сторону расширения дискурсивных границ концепта. Это будет способствовать его (концепта) уточнению и расширению за счёт постепенной проработки содержания. При этом будет складываться ситуация, когда концепт будет «конкретизироваться через добавление (или развёртывание) характеристик, т. е. приращение отличительных свойств или качеств» [Сартори 2003: 153].

Правда, несмотря на неподдельный исследовательский интерес к проблемам расширения концепта «бунт», может существовать интерес и самой власти, которой выгодно любое отклонение от существующих правил, в итоге, приводящее к оправданию номинализации бунта. В данном смысле, любое проявление активности может означать бунт, попытку попражнения существующего порядка.

В этом смысле показательно, как негативно российская власть воспринимает попытки выражения частью гражданского общества своей позиции по поводу обострения российско-украинских отношений. Проведение «Марша мира» в Москве и ряде других российских городов, антивоенные митинги, одиночные пикеты против насилия, деятельность комитетов солдатских матерей и правозащитных организаций автоматически понимаются как политическая девиация. Любое расхождение с официальным курсом по поводу темы Украины начинает пониматься как национал-предательство.

Вообще, вряд ли можно подвергнуть сомнению тот факт, что человек, решающийся на бунт, является подверженным некоей злобе и ярости в отношении существующего порядка вещей. Бунт высвобождает отрицательную энергию, накопившуюся в человеке, артикулируя её на тех или иных мишенях, что сосредоточивают, с точки зрения бунтующего человека, дискомфорт и деструкцию. В данном контексте, на наш взгляд, сам факт бунта получает прямую зависимость от душевного состояния человека. Его терпение лимитировано, поэтому бунт является следствием ситуации, когда бунтующий человек «слишком много терпел» [Камю 1990: 126].

Бунт не может продолжаться долго. Период, в течение которого бунт объективируется гораздо меньше по времени, нежели период подчинения и исполнения приказов. Крик бунтующего человека тонет в угнетающей массе исторического времени, в котором рабы гребут на галерах, а невольники позвякивают цепями на сибирских приисках. К слову вспомнить и мысль, высказанную немецким политическим философом К. Шмиттом, обращавшим внимание на «иррегулярный характер» сопротивления [Шмитт 2007: 11].

Концепт «бунт» можно рассмотреть в связи с таким концептом как *-riot — noisy, uncontrolled behavior* [Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English 1982: 228], являющегося одним из значений бунта. Концепт *-riot* определяется как *разгул, буйство, цветение* [Уилер 2000: 52]. В этом смысле, отчасти понятна логика использования данного концепта в названии известной своими политическими перформансами панк-группы «Pussy Riot». Участницы панк-группы представлялись в разноцветных балаклавах и яркой одежде. При этом, их поведение, наверняка, могло определяться как *uncontrolled behavior* в смысле конфликтования с традиционными поведенческими моделями, принятыми в России.

Существует связь концепта «бунт» и с таким концептом, как *-resentment — негодование, возмущение*, (глагол *-resent — негодовать, возмущаться, обижаться*) [Большой англо-рус-

ский словарь... 2001: 817]. Как мы заметим, в русском языке сложно найти слово, в точности определяющее данный концепт и снимающее все споры и сомнения по поводу однозначности его толкования. Бунт оказывается настолько многогранным и сложнообразованным, выталкиваемым на поверхность из тайников сознания самыми разными мотивами.

В немецком языке *-ressentiment* — *(затаённая) обида, (скрытая) враждебность* [Немецко-русский словарь... 1998: 700]. Присутствие скобок, которыми составители словаря отметили данный концепт не является случайным. Концепт *-ressentiment* означает замаскированное и очень опасное состояние, когда реальные чувства и ощущения индивида не демонстрируются публично, но переживаются с особенной, пронзительной остротой наедине с собой. Можно обратиться к примеру «Истории Пугачёва». Разве не затаённой обидой руководствовалась крепостная девка в «Истории Пугачёва», когда по её жалобе Пугачёв повесил одного помещика.

В этом смысле может интересным комментарием немецкого философа М. Шелера, определявшего *-ressentiment* как «душевный динамит», как глубоко запрятанное чувство злобы. Показателен следующий пример М. Шелера, приведённый в его известной работе, посвящённой ресентименту: «Если слуга, с которым плохо обошлись, позволит себе «выругаться в прихожей», он не впадёт в ту внутреннюю «ядовитость», что свойственна ресентименту; но это произойдёт, если он должен будет делать «хорошую мину при плохой игре» (как это пластично выражает поговорка), затаив в себе отрицательные, враждебные аффекты» [Шелер 1999: 18–19].

Шелеровский пример озлобления слуги находит подтверждение в автобиографических «Окаянных днях» И. Бунина в похожей ситуации взаимодействия слуги и господина. Вроде перманентное взаимодействие вызывается мучительными переживаниями длинной обиды, трудно вынашиваемой злобы: «Как злобно, неохотно отворял нам дверь швейцар! Поголовно у всех лютое отвращение ко всякому труду».

Во французском языке значений — *ressentiment* гораздо больше. Это — 1) злопамятство, злоба, горькое воспоминание; 2) озлобленность, враждебность; 3) горечь; 4) признательность [Новый французско-русский словарь...: 952].

В европейском политико-философском дискурсе заметно противопоставление озлобленного человека и бунтующего человека¹. Действительно, можно терпеть издевательства и репрессии, глубоко затаив обиду и озлобление, но можно однажды и оправиться от этой уничительной летаргии. Озлобление может проникать в коллективную ткань и измеряться огромными сроками культурного молчания (эту замечательную мысль высказал однажды английский философ И. Берлин), но можно стать свидетелем и внезапной ярости манифестации и уличного протеста, носящего спонтанный, электрический характер. Наоборот, бунтующий человек представляется более раскрепощённым, его цели ясны и осмыслены в определённой теоретической схеме. Таков, например, бунтующий человек А. Камю. Бунт может выступать не только попыткой обретения индивидуальной, личной радости, но стать и оправданным. Это будет бунт ради счастья других. Тогда он не будет бессмысленным, но останется беспощадным в отношении собственного тела. Таков Данко — герой А. Горького.

Самовнушения человека, такие, как «я не свободен» и мне ни избежать судьбы своего класса, своей нации, своей семьи, ни даже основать свою власть или удачу, ни победить свои даже самые незначительные желания и привычки» [Сартр 2004: 491], традиционно сочетаются с обратными актами, предполагающими сопротивление, оправдывающими путь бунта,

¹ Противопоставление существует не только в данном контексте, но выходит за его рамки, отмечая собой различия более высоких порядков — культурных контекстов бунта — европейского и русского. Субъекта бунта, безусловно, ведёт себя по-разному в зависимости от того, какую культуру представляет. Данный вопрос уже прорабатывался автором в одной из работ. Подробнее об этом см.: Skiperskikh 2014: 163–171.

путь свободного человека, отвечающего за свои выборы. Именно волей подобных людей «протест проникает сквозь толщину времени и репрессии, он просачивается сквозь стенки не-свободы, он пробивает любые преграды, свидетельствуя о неизбежности сопротивления, об онтологическом характере любого устремления власти» [Скиперских 2015: 390].

Современная политическая практика показывает, что у бунтующего человека шансы реализовать своё право на протест напрямую связываются с доминирующим политическим режимом. В случае тоталитарного и авторитарного режима бунт превращается в пассивное озлобление, будучи не способный объективироваться в публичном пространстве. Страх людей выразить и продемонстрировать своё мнение становится серьёзным блокиратором их гражданских потенций. Со временем необходимость в протестном выражении может притупляться, либо исчезнуть совсем. Наоборот, в случае демократического режима бунт имеет шансы быть реализованным в публичном пространстве, явив субъекта во всей своей прекрасной гражданской ярости.

Т. Гарр как-то отметит, что «большинство недовольных людей — это не революционеры. Они могут быть озлобленными, но предпочитают мирные средства для достижения своих целей превратностям и рискам революционной деятельности» [Гарр 2005: 445]. Таким образом, Т. Гарр, несколько разводит по-настоящему активных и харизматических одиночек от остальной революционной массы, скрепляющейся, скорее не необходимостью бунта, но озлоблением внутри, формирующим некий монолит, отвердевающий в определённом общественном мнении масс. К слову, это проявляется в устойчивых, стереотипических восприятиях массами тех или иных феноменов. В частности, богатства, власти, справедливости и т. д.

Наоборот, бунтующий человек обращает протестную энергию наружу. Направление протестной энергии таргетировано — это и преобразование мира, это и конкретные политические мишени.

Концептологический экскурс убеждает нас в необходимости различать в культурном и политическом пейзаже эти две фигуры — человека ресентимента и человека бунта. Смурый человек ресентимента озлоблен настолько бесповоротно, что будет молчаливо и исподлобья одинаково наблюдать как за разгулявшимся пролетариатом, так и за элегантным денди. Он будет практически одинаково ненавидеть и одного, и другого.

В контексте нашего исследования, высказанная гипотеза имеет довольно важное значение, потому как наша задача найти основания для противопоставления бунта в русской культуре — бунту в европейской культуре. Особенности этого противопоставления во многом раскроют нам секреты культурной непримиримости «озлобленного человека» Макса Шелера и «бунтующего человека», воспеваемого Альбером Камю.

Так *-resentment* (англ.) превращается в *-revolt*. Возможна и обратная метаморфоза, когда бунтующий человек, распыливший своё творчество и привлекательность, остаётся без идеи. Тогда велика вероятность его превращения в человека озлобившегося, испытывающего злобную ненависть к новым идеям и смыслам. Об этом в своих текстах как раз и говорит А. Камю. Французский философ пишет: «как только бунт, забыв о своих щедрых истоках, заражается злобой, он начинает отрицать жизнь, устремляется к разрушению и порождает целую когорту мерзко ухмыляющихся мятежников, рабского отродья, которое сегодня на всех рынках Европы готово запродавать себя в любую кабалу. Он перестаёт быть бунтом и революцией, превращаясь в злобу и тиранию» [Камю 1990: 355].

Таким образом, предпринятый нами концептологический экскурс показывает, что концепт «бунт» является удивительно богатым в своих значениях и оттенках смыслов, существующих не только в русском языке, но и других языках. Безусловно, подобные смыслы абсорбируют в себя как традицию, так и текущую культурную и политическую ситуацию, вместе с этим и предопределяя репертуары интерпретаций и эксплуатации данного концепта в

дальнейшем. Практика бессмысленного и беспощадного бунта становится всё более богатой и изощрённой по мере развития общества.

Бодрийяр Ж. 2009. *Символический обмен и смерть*. — М.: Добросвет, Издательство «КДУ»9.

Большой англо-русский словарь... 2001. *Большой англо-русский словарь*. — М.: АСТ, Мн.: Харвест.

Большой толковый словарь... 2000. *Большой толковый словарь русского языка* (под ред. С.А. Кузнецова). — СПб.: Норинт.

Гарр Т. 2005. Почему люди бунтуют. — СПб.: Питер.

Гаспаров М. 2012. *Записи и выписки*. — М.: НЛЮ.

Даль В. 2002. *Толковый словарь живого великорусского языка: в 4-х т.* — Т. 1. — СПб.: ООО Диамант.

Камю А. 1990. *Бунтующий человек. Философия. Политика. Искусство*. Пер. с фр. — М.: Политиздат.

Красова Г.А., Дзаппи Г. *Карманный итальяно-русский словарь*. — М.: Русский язык.

Лакофф Д., Джонсон М. 2004. *Метафоры, которыми мы живём*. (Пер. с англ. / под ред. и с предисл. А.Н. Баранова. — М.: Эдиториал УРСС.

Немецко-русский словарь... 1998. *Немецко-русский словарь*. 5-е издание. — М.: Русский язык.

Новый французско-русский словарь... *Новый французско-русский словарь*. — М.: Русский язык.

Ожегов С.И. 1973. *Словарь русского языка*. — М.: Советская энциклопедия.

Пришвин М.М. 2007. *Ранний дневник. 1905–1913*. — СПб.: ООО Изд-во «Росток».

Пушкин А.С. 1981. *Собрание сочинений в десяти томах*. Том VII. — М.: Правда.

Российский учёный... *Российский учёный Александр Эткинд: Я очень надеюсь, что Украина выстоит*. — Доступно: <http://www.theinsider.ua/art/rossiiskii-uchenyi-aleksandr-etkind-ya-ochen-nadeyus-что-ukraina-vystoit/>. — Проверено: 24.11.2014.

Русакова О.Ф., Русаков В.Н. 2011. *PR-дискурс: теоретико-методологический анализ*. — Екатеринбург: УрО РАН, ИД «Дискурс-Пи». — 336 с.

Русско-английский и англо-русский словарь... 1992. *Русско-английский и англо-русский словарь*. — М.: Космос.

Русско-английский словарь... 1991. *Русско-английский словарь* (под ред. А.И. Смирницкого). 16-е издание. — М.: Русский язык.

Сартори Д. 2003. Искажение концептов в сравнительной политологии. — *Полис. Политические исследования*. — № 4.

Сартр Ж.П. 2004. *Бытие и ничто. Опыт феноменологической онтологии* (пер. с фр. В.И. Колядко). — М.: Республика. — 639 с.

Скиперских А.В. 2014. Концепт «бунт»: герменевтическое путешествие. Серия Гуманитарные науки. — *Учёные записки Казанского университета*. — Т. 156. — С. 138–148.

Скиперских А. 2015. Бунтующий человек в правовом дискурсе: новая попытка оправдания. — *Право и политика*. — № 1. — С. 385–393. — DOI: 10.7256/1811-9018.2015.3.13160.

Словарь современного русского народного говора... 1969. *Словарь современного русского народного говора* (под ред. И.А. Осовецкого). — М.: Наука.

Словарь языка Пушкина... 1956. *Словарь языка Пушкина*. Т. 1. — М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей.

- Уилер М. 2000. *Оксфордский русско-английский словарь*. — М.: Локид.
- Фасмер М. 2008. *Этимологический словарь русского языка в 4-х т.* (Пер. с нем. и доп. О.Н. Трухачёва, под ред. Б.А. Ларина). Т. 1. — М.: Терра-Книжный клуб. — 576 с.
- Фуко М. 2007. *Психиатрическая власть* (пер. с фр. А. Шестакова). — СПб.: Наука.
- Фуко М. 2011. Восставать бесполезно? (Пер. с фр. В. Акуловой и Д. Потёмкина). — *Неприкосновенный запас*. — № 5(79).
- Шелер М. 1999. *Ресентимент в структуре моралей* (пер. с нем. А.Н. Малинкина). — СПб.: Наука, Университетская книга.
- Шмитт К. 2007. *Теория партизана* (пер. с нем. Ю.Ю. Коринца). — М.: Праксис.
- Gilbert M.F., Nilsen K.R. 2007. *Historical Dictionary of Modern Italy*. — Scarecrow Press; Second Edition edition (September 19). — 562 p.
- Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English... 1982. *Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English*. Volume II. — M-Z. — Oxford: Oxford University Press.
- Skiperskikh A. 2014. The right to revolt: the European and Russian context. — *Political Science Review*. — № 3. — P. 163–171. — DOI: 10.14746/pp.2014.19.3.12.